

ными строчками о долге перед армией и коммунистической партией прорывається скрытая боль и тревога за сына Вилена.

Все письма разведчиков, отправленные домой, оказались последними...

Убит Азаткулов. Убит Калужный. Убит Пичугин... Смертельно раненный Живич-Гаркуша успевает признаться Шигирёву-Копоти, что пожалел продавшуюся немцам женщину:

«— Я... ту баб... Наталья... отпустил».

Вскоре вслед за ним погибает и Копоть... За ним распят преследующими разведгруппу горными егерями Лютый-Лютиков.

На войне трудно остаться «чистым». Не убьешь врага — он убьёт тебя, или того хуже: погубит товарищ. В роковой час, когда сражавшиеся в неравном бою разведчики один за другим приняли героическую или мученическую смерть, Благословский получает приказ смертельно раненого командира перейти через линию фронта с захваченным немцем полковником. Взять «языка» из старших офицеров-штабистов в глубоком тылу врага — таково было главное задание разведгруппы. Выполняя приказ, пали смертью храбрых почти все, кого в спешотделе дивизии так метко прозвали — «Ковчег».

Вложив в руку умирающего взведённый пистолет, а под плечо гранату с вынутой чекой, Дяк, прощаясь, наклоняется над командиром и слышит его последние слова:

«— Спасибо, Дима. ... В пулемётчика ... не стреляй?... Вера не позволила?

— Думал, он убит. Не шевелился.

— Мы ... могли уйти. Как дальше ... жить будешь?..

Дяк поцеловал его в лоб.

— Не знаю. Ничего — теперь — не знаю».

Под морозящим дождем, «вжимаясь в ледяную грязь», ползут через минное поле к линии фронта двое: раненный, почти теряющий сознание Дяк и вконец обессиливший от страха, теряющий рассудок немец. Безумный полковник мажет лицо грязью и повторяет: «Tod... Tod... Tod...» (Смерть). «Дяк был совершенно уверен: врёт. Фашист врёт — не смерти... Почему же нет?... Почему?».

«И он вспомнил, вспомнил! — Христос воскрес! Сегодня Христос воскрес!».

«Нет смерти! Их смерти, им смерти нет! «Христос воскрес из мертвых, смерть смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». И Лютый, и Командир, и Пичуга, Старшой и Ярёма... все, все дорогие его товарищи, все солдаты, все их солдаты, их старики, матери и дети, все, все покорные этой войне, жертвы этой войны, этой революции, голода, холода, эпидемий и застенков, все самопожертвованные во имя Христа — не в смерти. Ибо Христос, смертию смерть поправ, воскрес! Сегодня воскрес».

Героическая повесть «Ковчег» пронизана высокой идеей о силе человеческого духа, превозмогающего самые тяжкие испытания, о любви к своему народу, ради которого герои идут на смерть, и торжестве Бога над смертью.

отношение к убогим-юродивым, однако о религиозной подоплёке такого восприятия теперь уже говорить сложно. Но мы всё-таки попробуем. И поможет нам в этом рассказ Бориса Агеева «Убогая». Здесь нам дано увидеть и понять, что на каком-то уровне

человеческого сознания всё ещё сохраняется память о том, что убогий — это

Марина МАСЛОВА

слабый, не приспособленный жить вровень с сильными людьми, тот, кто ближе к Богу из-за своей душевной и телесной немощи. Тот, кому благоволит Бог, ибо иного защитника убогий не имеет.

Интересующий нас рассказ Бориса Агеева написан в 1988 году. Для православных это великая дата — тысячелетие Крещения Руси.

На первый беглый взгляд, никаких признаков религиозного понимания феномена *юродства* в произведении не обнаруживается. Даже само это слово отсутствует в рассказе. Однако при более внимательном прочтении выясняется, что текст не лишён определённого православного колорита, о чём свидетельствует наличие таких реалий, как «церковь на берегу», «алтарь», «прихожане», «церковный придель», «купола», «церковная служба». Выражения типа «бежал сластей житейской славы» или «пытать о вере на путях и на торжищах» также очевидным образом подкапывают нам истоки авторской концепции. Последнее изречение, например, отсылает нас к «Провсветителю» преподобного Иосифа Волоцкого.

Мотив юродства — как художественная категория — лишь единожды звучит открыто незадолго до кульминационного момента рассказа: «*Василий Иванович решил поразить мир историческим полотном, где одним из персонажей должна стать юродивая в растерзанном платье*». И далее события разворачиваются уже пророчески, словно воплощая в действительность фантазию художника: образ «юродивой в растерзанном платье» силой непредказуемых обстоятельств обретает плоть и кровь.

Возможно, автор намеренно старался избежать открытого сближения своей героини с христианскими юродивыми, а потому прибегнул к такому сюжетному повороту.

Героиня рассказа названа «убогой» не только в связи с упомянутыми выше признаками: бедность, болезнь, слабость, беззащитность, сиротство. Слово «убогий» в своей корневой сердцевине несёт то основное каче-

ство-состояние, наличие которого в людях, определяемых этим словом, обуславливает их особый статус в человеческом обществе — добрые люди их всегда жалеют, ласкают, почти с благоговением оберегают от разного рода посягательств жестокого мира.

Злые, разумеется, наоборот — норовят обидеть и притеснить, как-нибудь воспользоваться их беззащитностью и простотой.

На долю героини Бориса Агеева выпадают встречи и с теми, и с другими.

— *Бог с тобой, милая, Бог с тобой. И спускалась Верочка в дол и побрегла, спотыкаясь, по вставшей дырой дороге, бездомная на всех просторах земли, и даже ослынувшись на Авдотью Павловну не догадалась*.

Так, между прочим, заповедано и в одной из главных книг человечества: не оглядываться вспять, если идёшь вперёд, не привязываться к людям, если тебе даны силы идти вдалёк по вздымающейся дырой дороге...

Может быть, автор вовсе не подразумевает у Верочки ту силу, которую предполагаем в ней мы, просто она не оглянулась по рассеянности, не имея сильного сердечного чувства к Авдотье Павловне, а потому и не считая необходимым благодарно оглядываться...

Однако же библейский мотив *бездомности* человека на земле вполне с образом *идущего вперёд без оглядки* — вполне достаточные, на наш взгляд, основания для того, чтобы предположить в этом финальном аккорде христианскую сущность авторского замысла. Религиозная интонация повествования предельно сдержанна, почти полностью заземлена до обрядово-бытового уровня. И всё-таки...

Подобно тем *первым бледно-зелёным листочкам, взорвавшимся набухшие почки* в день появления Верочки в городке, пробивается сквозь наслоения скелеса и иронии эта ненавязчивая мелодия религиозно-покаянного характера:

«*Теперь, спустя двадцать пять лет, отблужая по свету — даже и до Камчатки дошёл — поудал аз зрешный как-то обо всём, сел и написал вот этот рассказ. Судите и меня, люди*».

Удивительное качество обнаруживаешь в этом грустном повествовании Бориса Агеева: не сразу, не вдруг, а только после второго, третьего прочтения этого, как кажется, не вполне отчётливого по своей идее сюжета понемногу прозреваешь, как сквозь клубящийся утренний туман, очертания чего-то очень значительного и очень красивого.

Вначале увлекает необычная авторская интонация, зарождающая у читателя ожидание от текста чего-то подобного лесковскому сказу.

«*Городок этот, бывший некогда уездным, с мощёной бульвариком центральной улицей, располагался на невысоком холме по правому берегу тухлой реки. Центр городка на самом холме состоял по преимуществу из низкорослых, средних кулическим достатком странных домов с осыпавшимися от древности кирпичными фасадами и прорастающей прямо из споя уцелевшей штукатурки травой. По склону холма — тем дальше от центра, тем пониже и попрочней — городская слобода распылялась мелочью обывательских строений*».

Вот, например, эпизод прощания с Верочкой в самом конце рассказа: «*Потревещилась Авдотья Павловна, перед иконой помоллась и попрощалась... Проводила до той самой дороги, что вела в сторону Угон — может статься, подберут её прежние старушки и никуда не отпустят. Только и оставалось верить в это. Стояла Авдотья Павловна на тёплой горке под весенним солншком... крестила Верочку спину, кивала трагически головой и шептала про себя:*

«*Потревещилась Авдотья Павловна, перед иконой помоллась и попрощалась... Проводила до той самой дороги, что вела в сторону Угон — может статься, подберут её прежние старушки и никуда не отпустят. Только и оставалось верить в это. Стояла Авдотья Павловна на тёплой горке под весенним солншком... крестила Верочку спину, кивала трагически головой и шептала про себя:*

«*Потревещилась Авдотья Павловна, перед иконой помоллась и попрощалась... Проводила до той самой дороги, что вела в сторону Угон — может статься, подберут её прежние старушки и никуда не отпустят. Только и оставалось верить в это. Стояла Авдотья Павловна на тёплой горке под весенним солншком... крестила Верочку спину, кивала трагически головой и шептала про себя:*

«*Потревещилась Авдотья Павловна, перед иконой помоллась и попрощалась... Проводила до той самой дороги, что вела в сторону Угон — может статься, подберут её прежние старушки и никуда не отпустят. Только и оставалось верить в это. Стояла Авдотья Павловна на тёплой горке под весенним солншком... крестила Верочку спину, кивала трагически головой и шептала про себя:*

«*Потревещилась Авдотья Павловна, перед иконой помоллась и попрощалась... Проводила до той самой дороги, что вела в сторону Угон — может статься, подберут её прежние старушки и никуда не отпустят. Только и оставалось верить в это. Стояла Авдотья Павловна на тёплой горке под весенним солншком... крестила Верочку спину, кивала трагически головой и шептала про себя:*

С 2007 года Центр национальной славы и фонд Андрея Первозванного разработали и приступили к реализации многолетней программы «Александр Невский». Как сказал председатель Попечительского совета программы В.И. Якунин, целью этого проекта является консолидация национального общественного сознания вокруг выдающегося деятеля русской истории — святого благоверного князя Александра Невского.

В истории России было немало замечательных подвижников, чья жизнь и деятельность являются образцом жертвенного служения Отечеству. Имя великого князя Александра Невского одно из самых уважаемых и почитаемых в этом ряду. Годы его жизни пришлись на самый трагичный период существования Руси. Междоусобные распри

удельных князей привели к ослаблению русского государства, сделали его уязвимым перед внешним врагом. Орднское нашествие с Востока и вторжения западных завоевателей поставили под угрозу возможность существования Руси.

Александр родился 13 мая 1221 года (по некоторым другим источникам — 20 мая 1220 года) в городе Переславле Залеском за несколько лет до первого столкновения русских воинов с монголо-татарскими кочевниками на реке Калке. А в 1236 году великий князь Ярослав, уезжая на киевский престол, поручил 15-летнему сыну самостоятельно княжить в Новгороде. В том же году передовые отряды хана Батия под руководством Сабудай Богадур, разбившего русское войско на Калке, опустошили земли камских болгар. В следующем 1237 году они вышли через мордовские леса к Рязани и уничтожили её. Дружины великого князя Суздальского Юрия Всеволодовича — дяди Александра — были разбиты под Коломной. Пали Москва, Владимир, Суздаль, Переславль, Ростов Великий, Тверь, Торжок... Вся русская земля была устелена незахороненными трупами, над которыми справляли пир стервятники и дикие звери. Только весенняя распутица заставила Батия вернуться в половецкие степи, не дойдя до Новгорода 100 километров.

То, чего не достигли восточные кочевники на Северо-Западе Руси, вскоре попытались осуществить немецкие рыцари и шведские завоеватели. В 1240 году рыцари Ливонского ордена и немецкие охотники при пособничестве русского князя-предателя Ярослава Владимировича захватили Псков. А шведский король Эрих Картавий поспешил завладеть богатым Новгородом, послав в новгородскую землю морской десант во главе со своим зятем Биргером.

О том, что пришельцы не рассчитывали на серьёзный отпор новгородцев во главе с молодым князем Александром, говорит сам издательский тон послания Биргера: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою». Но князь Александр проявил незаурядный полководческий талант и внезапным стремительным налётом на лагерь противника и стоявшие у берега корабли разгромил основные силы шведов, а оставшихся сбросил в Неву. Через два года он поставил победную точку и в отношении с немцами крестоносцами в знаменитом Ледовом побоище. Он остановил не только военную экспансию Запада на русские земли, но и насаждение католицизма папскими миссионерами.

Как известно, в 1251 году папа Иннокентий IV прислал к Александру двух кардиналов Гальда и Гемонта. Папа уверял русского князя, будто его отец князь Ярослав обещал монаху Плано Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть помешала ему выполнить это обещание. В летописях есть ответ князя Александра Римскому папе, и он содержит резкий отказ.

Стратегическим выбором князя Александра Ярославича была мудрая политика, направленная на сохранение Русского государства, традиционных духовных ориентиров и чистоты веры. Он, как никто другой из русских князей того времени, понимал, что противостоять ордынским завоевателям только военными мерами на тот момент было невозможно. Поэтому, жёстко противодействуя «крестовому походу» на Русь с Запада, он проявлял великий талант дипломата на Востоке, отводя новые беды и нашествия от обескровленной Руси. Четыре раза

Так начинается рассказ курского писателя.

Для сравнения вспомним одно из произведений Н.С. Лескова, которое повествует о герое, влюбленном в галерею лесковских «праведников».

В самом начале своего рассказа «Одному» Лесков, перечисляя достопримечательности уездного городка Солигалича Костромской губернии, где разворачиваются интересующие его события, пишет: «*В городе бывають две годовые ярмарки и еженедельные*

базары; кроме того, значится «довольно деятельная торговля известым и дегтем». В то время, когда жил наш герой, здесь еще были соляные варницы. Все это надо знать, чтобы составить понятие о том, как мог жить и как действительно жил мелкотравчатый герой нашего рассказа Алексашка, или, впоследствии, Александр Афанасьевич Рыжов, по уличному прозванию «Одному»».

Очевидно, что слово «мелкотравчатый» даёт понятие не о том, что думает о своём герое автор, а выдаёт мнение кого-то другого. Словечко это из лексикона горожан, знающих Алексашку, но не знающих, до поры, его главной думы, поставившей его в ряд с библейскими праведниками.

Обывательская точка зрения вплетается в авторское повествование, создавая ту неповторимую снисходительно-ироничную интонацию, которая так характерна для большинства произведений русского классика.

В рассказе Бориса Агеева ни губерния, ни городок уездный конкретно не означены, и это тем более придает его повествованию о беззащитной «убогой сиротинушке» оттенок притчевого сказа, столь знакомого нам по художественной манере Лескова.

«*К тому году, о котором здесь сказано, напротив исполкома было построено зрелищное сооружение под названием «кинотеатр «Простор», а влево от въезда в город — здание районной газеты. Церковь на берегу, не стерпев скудости прихожан, пулилась отставшей раскрой ранее голубых куполов...*».

Это «не стерпев скудости прихожан» звучит очень по-лесковски. Характерно и ярко. Церковь здесь — живой, мыслящий и чувствующий организм.

Читаем рассказ далее:

«*Весной сквозь истёртый асфальт меж камнями обочины просовывалась первая робкая травка, ветки тополиной аллеи, что вела к рынку, зернило вступивших почкам, из понизовья левое, затопляемого половодьем берега реки тянуло первым запахом залегающего снега, лошади простолудинов, что везли на рынок натуральный продукт из садов и огородов, оставляли на развилке*

он ездил в Орду, возил богатые подарки, давал согласие на перепись данников, вымаливал прощение за убийство ханских баскаков в русских княжествах, откупался от участия русских дружин в завоевательских походах ордынцев. Последняя поездка заняла около года с 1262 по осень 1263. Нужно было умиротворить хана Берке и предотвратить карательные акции. Приняв дары и выслушав доводы русского князя, хан будто бы успокоился, но, видимо, только внешне. Александр Невский вскоре тяжело заболел и скончался по пути на родину в Городце на Волге. Однако поездки не были напрасными. Они предотвратили ряд жестоких кровопролитий и массовый увод русских людей в полон. При его содействии в столице Орды Сарая появилась Православная епархия, и были посеяны семена будущей евразийской России. Сю

Валерий ЛАТЫНИН

Александр Невский как пример жертвенного служения Отечеству

К 800-летию святого благоверного князя

жизнь он избегал сомнительных политических сделок и губительных для своего народа предприятий, действовал так, как того требовала судьба Отечества.

Нынешнее положение России во многом созвучно времени Александра Невского — экспансией чуждых идеологических ценностей, ослаблением экономической и военной мощи нашего государства, угрозами с Запада и Востока, отсутствием единства и сплочённости в российском обществе, поэтому обращение к опыту родоначальника политики собирания и возрождения Руси — насущная необходимость, особенно для молодого поколения россиян.

На снимке: *памятник А.Я. Невскому на его родине в городе Переславле Залеском*

не знаем, но нельзя же и полностью отрицать возможность ее стихийного, интуитивного моления и добродетели.

В связи с темой бродяжничества неизбежно вспоминаются и древнерусские *кальки перехожие*. Так обычно именовались бедные странники, бывавшие в святых местах. Они носили *калуги* — обувь, настолько бедную и непрочную, что на Руси она годилась только для погребения мёртвых (хотя в Риме, к примеру, калуги были обувью легионеров). Чаще всего это были люди болезненные, слабые, которые жили тем, что бродили по селениям, рассказывая о виденных ими чудесах и исполняя духовные песни.

Конечно, сюжетная линия рассказа Лескова несравненно богаче деталями и нюансами поведения героя, но в целом авторская идея в своей конечной обостренности представляется нам общей для обоих произведений. Тем более что и в том, и в другом случае с середины текста начинается некий стилистический переход от иронии и самоиронии к иному, почти эпическому масштабу.

Выше мы уже сказали о скрытом религиозном подтексте повествования Бориса Агеева. На поверхность этот компонент выходит только в конце рассказа, становясь доминирующим в авторской позиции. А в начале образ убогой Верочки более гармонично вписывается в пространство живущей своей естественной жизнью природы, нежеле в окружающий социум, мир человека. Появляется она в городке ниоткуда и уходит неизвестно куда.

«*Никто не заметил, откуда и когда она появилась в городке. В тот день как раз пополни почки и заструились первые бледно-зелёные листочки*».

Подобно тому как незаметно растёт трава и распускаются листья на деревьях, появляется и она перед взорами «общества»:

«*В конце концов общество притерпелось к её неладной внешности и вечно задранным вверх зрачкам её глаз — маленького роста, она казалась всегда заглядывающей снизу на людей. Видно, мать-природа не всеяла и озадачилась, выторяя ее. Никто не знал, как её зовут и только потом кто-то случайно решил, что её зовут Верочкой*».

Хочется отметить здесь особо, что рассказ Агеева насыщен едва уловимыми «классическими» созвучиями. Помимо лесковской интонации, о которой было сказано, это и отдельные образы, стоявшие в русской литературе достаточно узнаваемыми, как, например, «клеящие весенние листочки», столь памятные всем по «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского. Хотел тот курский писатель или нет, но мотив этот прозвучал именно как «классический», восходящий к творчеству великого мастера философских обобщений. У Бориса Агеева эти «бледно-зелёные листочки» звучат отчётливым мотивом обновления, чистоты природы, а также доверчивости и беззащитной открытости его героини.

(Фрагмент, полная версия — на сайте)